

обобщенное значение «драгоценности».¹⁶ Выше мы высказали предположение, что под влиянием словосочетания *изити противу* старославянизм *изити* постоянно употребляется и вне этого словосочетания при изображении тех же ситуаций. Не является ли употребление формы *злато* при описании богатств, даров, дани отражением того же процесса семантической аналогии? Действительно, в ПВЛ мы встречаем также 6 случаев совместного употребления слов *злато* и *паволоки* (стр. 34, 48, 50 и др.). Сравним употребление слова *золото*, выступающего в ПВЛ для обозначения определенного металла и изделий из него: см. стр. 39, 52, 100.

Итак, наличие старославянской формы в широко распространенном устойчивом словосочетании могло способствовать ее большей употребимости и в тематически близких контекстах.

Мы приводили уже высказывание Л. П. Якубинского об использовании старославянской лексики как стилистического средства, о закреплении старославянского языка за «высоким штилем».¹⁷ К аналогичным выводам пришел и С. П. Обнорский. Анализируя «Поучение» Владимира Мономаха, он указывал, что «дифференцированное использование той и другой лексики (болгаризмов и русизмов, — О. Т.) в старом литературном языке находилось в связи с жанровым разнообразием самих литературных произведений».¹⁸ Такое «жанровое разнообразие», характерное для «Поучения», присуще и ПВЛ.

Какие же фрагменты этого памятника требовали «высокого штиля»? Естественно, что славянизирован язык цитат из Библии и церковно-учительных произведений, язык так называемой «Речи философа», сказания об убийстве Бориса и Глеба. Русизмы (*норовъ*, *роба*, *ражатися*, *повѣдучи* и др.) в нем необычайно редки.

Однако другие фрагменты житейного характера, в которых мы могли бы также ожидать устойчивого применения старославянизмов, подверглись значительно большей русификации. Так, в рассказе об Антонии (статья 1051 г., стр. 105—106) встречаются русизмы: «чересь день», «копая печеру»,¹⁹ «язь вась постригалъ»,²⁰ «самъ хочю», «преже»²¹ и т. д. Сравни также русизмы в рассказе Нестора о перенесении мощей Феодосия (статья 1091 г., стр. 138—139): «в печеру», «до полуночья», «не могуче», «передь пещерою», «видуче», «вынесоша и» и т. д.

С другой стороны, в погодных записях мы встретим немало старославянизмов. Так, например, в статье 1096 г. (исключая «Поучение» Владимира Мономаха и фрагмент из Откровения Мефодия Патарского) мы обнаружим: «гражане», «пред враты», «побѣже тои ноши», «повелѣ зажещи», «азь есмь мний», «ста предь градомъ» и т. д.

Обратившись к пословному анализу, мы установим, что слово «нощъ» в ПВЛ употреблено 35 раз против 6 употреблений русизма «ночь», что среди сопоставимых дублетов с приставками *пре-* и *пере-* преобладают

¹⁶ Ср. аналогичные наблюдения Ф. П. Филина (Лексика русского литературного языка..., стр. 105—106).

¹⁷ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 301.

¹⁸ С. П. Обнорский. Очерки по истории..., стр. 73—74.

¹⁹ Русизм *печера* в Лаврентьевском списке ПВЛ встречается 32 раза, старославянизм *пещера* — 5 раз. Нет ли здесь влияния разговорной нормы: названия «Печерский монастырь»?

²⁰ В Радзивилловском и Ипатьевском списках читается «я».

²¹ Отметим что Лаврентьевский список не знает ни старославянизма *прежде*, ни русизма *переже*. Наречие *преже* употреблено 32 раза, причем неоднократно в цитатах из Библии. Это наречие с русским *ж*, но старославянской приставкой *пре-* читается и в Ипатьевском списке. В Хлебниковском списке часто употребляется форма *преждс*.